

Ева Тончар

КАНИКУЛЫ

В «Сердце
гор»

Ева Гончар

**Каникулы в «Сердце гор».
Психологический детектив**

«Издательские решения»

Гончар Е.

Каникулы в «Сердце гор». Психологический детектив /
Е. Гончар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839987-9

У Майи Шустовой есть всё, что ей нужно: интересная работа, любимый муж и две почти взрослых дочери. Но однажды, в канун Нового года, благополучие даёт трещину, и Майя уезжает в горы, чтобы решить, как жить дальше. Исчезновение одного из постояльцев гостиницы и другие странные события, которые Майе придётся расследовать, не оставят ей времени подумать о себе. Однако именно это расследование позволит ей взглянуть на свою жизнь по-новому — увидеть себя в отражениях чужих обманов и чужой любви.

ISBN 978-5-44-839987-9

© Гончар Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Накануне	6
Глава 2. Беспокойная Снегурочка	10
Глава 3. Вино для незнакомых	14
Глава 4. Чужие дела	19
Глава 5. Игра в фанты	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Каникулы в «Сердце гор» Психологический детектив

Ева Гончар

Дизайнер обложки Ольга Кандела

© Ева Гончар, 2017

© Ольга Кандела, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9987-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Накануне

Известие о том, что Вадим не успеет вернуться домой к зимним праздникам, Майю совсем не огорчило. Даже наоборот — она обрадовалась поводу совершить путешествие. Коль скоро муж не приедет к ней, значит, она приедет к нему — что может быть естественней и проще? Возьмёт под мышку девчонок, и вперёд, через океан! Вадим идею одобрил, и Майя тотчас начала предвкушать удовольствия, которые сулила ей поездка — рождественскую вечеринку в университете Аризоны и новогоднюю ночь под звёздами в одной из гавайских обсерваторий. Дочки, чей опыт заграничных поездок был пока невелик, получают ворох новых впечатлений. А Майя в кои-то веки поживёт жизнью светской дамы, насладится приятной и необременительной ролью очаровательной спутницы именитого учёного.

Однако несколько недель спустя в этот план обидно вмешалось американское посольство: девчонкам не дали визы. С самой Майей подобного никогда не случалось — супругу Вадима Смирнова, светила мировой астрофизики, в любой стране принимали с распростёртыми объятиями. Супругу — но, увы, не дочерей. Хорошенькие мордашки двух незамужних восемнадцатилетних девиц показались настолько подозрительными работникам визовой службы, что на отцовские регалии никто даже не взглянул.

Первым побуждением Майи, разумеется, было совсем отменить поездку.

— Выше нос, котятки! — улыбнулась она дочерям, уныло листающим девственно-чистые заграничные паспорта. — Придумаем что-нибудь получше. Хотите, махнём на каникулы в Европу? Например, в Вену, а? Волшебный город — Вена... С шенгеном-то у вас проблем не будет.

Близняшки обменялись долгими взглядами. В такие мгновения Майя была готова поверить, что они читают мысли друг друга.

— Не волнуйся, мамочка, — деликатная Анюта попыталась изобразить ответную улыбку. — Мы уже взрослые, нас уже не надо развлекать...

— ...И пасти нас уже необязательно! — тряхнув разноцветной чёлкой, подхватила Татьяна. — Мамулик, не заморачивайся. Лети к папе, чего он там будет киснуть один? И потом, Новый год на Гавайях — это же клёво!

— Лететь одной? — переспросила Майя с недоумением. Такая мысль ей в голову ещё не приходила. — Да ну... А как же вы? Тогда ведь не он, а вы останетесь одни.

— Во-первых, не одни, а вдвоём, — Анютина улыбка стала ярче.

— А во-вторых, почему, по-твоему, нас обломали с визой? — пожалала плечами Татьяна. — Решили, что такие здоровенные кобылы, как мы, в родителях уже не нуждаются. Возьмут, да и сбегут покорять Америку.

— Кобылушки вы мои... здоровенные! — рассмеялась Майя и притянула дочерей к себе. — Ладно. Я подумаю! — чего греха таить, в ней и теперь цвело предвкушение праздника.

Анюта чмокнула её в правую щёку.

— Не о чем думать, мамочка! Правда-правда, не о чем!

Татьяна — чмокнула в левую.

— Встретите с папой Новый год босиком на пляже. Романтика!

Вечером того дня Майя купила себе платье для вечеринки на факультете астрономии. Бархатное тёмно-синее платье до щиколоток, с открытой спиной — спина у неё до сих пор была что надо! — закрытое спереди и от горлышка до груди украшенное треугольной вставкой из серебристого кружева. Наутро — забронировала билеты. А потом у неё на работе случился форс-мажор. И ещё один, и ещё... И когда в середине декабря Майя, наконец, смогла

сделать выдох и вспомнить, на каком свете находится, она с тоской поняла, что двадцать второго — как планировала — улететь из Москвы не сможет.

Двадцать третьего и двадцать четвёртого — тоже. Самое раннее — двадцать седьмого, если к тому времени работа не преподнесёт ещё каких-нибудь сюрпризов и если удастся купить новый билет.

— Ненавижу твою работу, Маюш, — проворчал муж, услышав новость. — Ничего нельзя толком спланировать!

— Твоя не лучше, Вадик. Мог бы сам прилететь, раз уж нашим барышням придётся сидеть в Москве, — в тон ему отозвалась Майя.

— Не мог бы. Небу до земных праздников дела нет, ты же понимаешь.

— А от меня слишком многое здесь зависит... Ты же понимаешь.

— Понимаю, Маюш, — вздохнул Вадим. — Я просто уже продумал, чем мы займёмся на Рождество. А теперь, выходит, ты появишься только к Новому году.

Майя вдруг поймала себя на том, что не просто слушает мужа, а напряжённо прислушивается к его глубокому, богатому интонациями голосу. Прислушивается — и не может различить ни единой искренней ноты! Ни настоящего огорчения, ни даже настоящего раздражения из-за Майиной «ненавистной» работы — одну лишь лёгкую досаду, не разыграть которую было бы совсем уж неприлично.

Не вполне осознавая, что делает, Майя медленно проговорила:

— Не знаю я насчёт Нового года, солнце моё... Ты ведь собирался на Гавайи?

— Да, в обсерваторию Джемани. Я должен быть там с начала января, — спокойно ответил Вадим — и спохватился, подпустив в голос негодования. — То есть как это не знаешь насчёт Нового года?!

— Я устала, Вадик. Так устала, ты себе не представляешь! Последние недели были безумными. Единственное, чего мне сейчас хочется — просто выспаться. Не знаю, как я переживу все эти перелёты. Я всё-таки уже не девочка.

— Но, Маюш, я не могу не лететь. Январская серия наблюдений — то самое, из-за чего я здесь застрял.

Искренности в его голосе так и не появилось.

— Ну что ты! Я и не думала просить тебя не лететь. Я имею в виду, что предпочла бы сама остаться дома, — сказала, как в воду прыгнула, Майя — и задержала дыхание.

В телефонной трубке стало тихо.

— Маюш, ты меня без ножа режешь, — наконец, ответил Вадим. — Как это — остаться дома? А я?

И вот теперь сквозь демонстративную досаду явственно проступило облегчение!

— А ты поскорее всё заканчивай и возвращайся.

Позже Майя не сумела даже вспомнить, какие слова он говорил, пытаясь убедить её не отказываться от путешествия — так сильно она была обескуражена. Или он не убеждал её вовсе? Может, сразу же согласился: конечно, отдохни, дорогая жена, дескать, мне и без тебя тут неплохо. В любом случае, огорчения Майя так и не заметила. И как к этому относиться, она пока не понимала.

Вадим любил её — и любил проводить с нею время. Им часто приходилось расставаться, но он всегда, насколько мог, старался сократить разлуку. Любовь мужа в Майиной жизни была константой — прекрасной, но почти не осознаваемой, как часто бывает с константами. Теперь, когда Майя обнаружила, что её не ждут, привычное мироустройство пошатнулось.

Она почти не сомневалась, что у мужа появилась пассия — других объяснений его безразличия и фальши в голосе у неё не было. Прежде Вадим не упускал случая познакомиться её со своими коллегами — он делал это даже не с гордостью, а с трогательным мальчише-

ским самодовольством. Что ж, значит, в эти праздники рядом с ним будет другая женщина. Любовница? Может, и нет. Но появление жены нарушит и платоническую идиллию.

Вадиму пятьдесят семь. Тот опасный возраст, когда мужчины вдруг начинают доказывать всему миру и самим себе, что они ещё ого-го. Тот опасный возраст, когда в любой молоденькой девушке видится сногшибательная красотка. Пусть бы только пассия Вадима была не слишком юной! — думала Майя. Сам он может выбрать любую. Он умеет нравиться женщинам. У него есть интеллект и талант рассказчика, авторитет и харизма, греческий профиль и артистический баритон. Соплюшки-аспирантки и серьёзные научные дамы, коим давно перевалило за тридцать, провожают его одинаково восторженными взглядами. Пусть бы только он выбрал из своих поклонниц какую-нибудь постарше! Такую, которой он сможет признаться, что у него холецистит и слабое сердце; такую, которой не нужно пускать пыль в глаза, стараясь казаться моложе и энергичней, чем в действительности; такую, которая не обидит легкомыслием и неосторожным словом.

И как только Майя осознала, что предполагаемая интрижка Вадима вызвала у неё приступ материнского беспокойства, а вовсе не ревности, ей стало совсем тоскливо. Она ведь тоже любила мужа, и эта любовь была второй константой, на которой держалась Майина Вселенная. Пять лет назад, когда на Рождество Майя с девочками ездила к Вадиму в Германию — попробовал бы он тогда её не ждать! Всё бы бросила и помчалась к нему первым же самолётом, разбираться, кто посмел потеснить её в мужнином сердце. Пять лет назад невозможно было вообразить, что Майя сама откажется от поездки, чтобы не мешать мужу крутить романы. «Что со мной? — спрашивала она себя теперь. — Неужели я тоже старею?»

Слегка успокоившись, она последовала полезному правилу — отыскивать хорошие стороны в любой ситуации. Пускай не будет ни «космической» вечеринки, ни новогодней ночи под гавайскими звёздами — зато девчонки не почувствуют себя брошенными. «Устрою им лучшие в жизни каникулы!» — пообещала себе Майя. Распрямила плечи, вытерла влажные глаза — и отправилась в комнату дочек, собираясь обрадовать их новостью.

Те оживлённо болтали, устроившись с ногами на диване. При появлении матери приоткрылись и уставились на неё двумя парами лучистых серых глаз. Майя замерла на пороге — привычно залюбовалась близняшками. Абсолютно одинаковые внешне — ладные фигурки, волнистые тёмно-русые волосы, круглые личики с тёплым персиковым румянцем, аккуратные чуть вздёрнутые носики, — дочери сильно различались по характеру и умели выглядеть так, чтобы казаться не клонами друг друга, а двумя частями сложного несимметричного целого. Татьяна коротко стригла волосы и красила их «пёрышками» в разные цвета — Анюта заплетала тугую косицу с парой розовых и зелёных прядей. Татьяна носила броские серьги до плеч, деревянные или серебряные — Анюта унизывала руки браслетами из тех же материалов. Татьяна не вылезала из джинсов с прорехами и пёстрых трикотажных топиков — Анюта предпочитала джинсовые юбки до пят и длинные пёстрые свитера. А Майя то и дело млела от восхищения и нежности — до чего гармоничная парочка!

— Котятки, у меня для вас отличная новость! — объявила она, насмотревшись.

— Что за новость?! — наперебой воскликнули девочки.

— Я никуда не еду. Буду отмечать Новый год с вами.

Майя сама не знала, на какую реакцию рассчитывала. Может, ждала, что ей кинутся на шею и расцелуют — или захлопают в ладоши и закричат: «Ура!» Но ничего такого не случилось. Дочки даже не улыбнулись, только глаза у них округлились от изумления.

— Почему не едешь, мам? — спросила после паузы Татьяна.

— Потому что билет у меня на двадцать второе, а в отпуск получится уйти только двадцать седьмого. На эти дни билетов за нормальные деньги уже не купишь, — отделалась полуправдой Майя.

Не могла же она сказать: «Я не еду, потому что ваш отец меня не ждёт»!

— Поня-атно, — протянула Татьяна.
— Жалко, что так вышло, — добавила Анюта.
— Жалко? — нахмурилась Майя.
— Ну, то есть жалко, что у тебя поездка сорвалась. Но здорово, что ты будешь с нами, — пояснила Анюта и порозовела — она никогда не умела врать.
Майя почувствовала, что тоже заливается краской — ей стало стыдно за свою тупость.
— О господи, как же я не догадалась! Ведь вы уже знаете, где и с кем проведёте новогоднюю ночь, верно? И я в ваши планы совершенно не вписываюсь.
Близняшки не ответили, лица у них стали расстроенными.
— В гости пойдёте? Или соберёте компанию у нас?
— У нас хотели, — призналась Татьяна. — Но, мам, если ты против, мы можем...
Майя всплеснула руками.
— Что вы, мои хорошие! Как я могу быть против?! Я только думаю, что буду вам мешать.
Анюта подалась к ней:
— Ты нам не будешь мешать, мамочка! — мельком взглянула на сестру и добавила:
— Это мы, наверное, будем тебе мешать. У нас будет очень шумно!
— Да ладно, — вздохнула Майя, — я понимаю. Старая перечница, в моём лице, испортит вам всё веселье. Не переживайте, я придумаю, куда уйти.
Всем троем было очень неловко.
Ночью, в тишине и прохладе супружеской спальни, Майя приняла решение: она не уйдёт, а уедет! Напрашиваться в гости к подругам, посвящая их в перипетии своей семейной жизни, ей совсем не хотелось. Лучше она отправится на недельку в какой-нибудь спокойный угол, где можно забыть о работе, отдохнуть, выспаться и поразмыслить, как жить дальше. Ещё вчера она считала себя счастливой женой и матерью, бесценной и незаменимой для близких. А сегодня вдруг выяснилось, что у близких есть другая жизнь, в которой ей, Майе, нет места. Хуже всего, что прозрела она лишь тогда, когда её, как нашкодившую кошку, ткнули носом в новое знание. «Давно могла бы заметить! Если бы больше внимания уделяла им, а не работе!» — упрекала себя она. И почему-то остро, как никогда прежде, ощущала, что молодость закончилась.
Утром, едва проснувшись, Майя полезла в интернет. Наудачу вбила в строку поиска: «новый год тихое место» — и среди множества не относящихся к делу ссылок нашла несколько туристических объектов. Один из них — гостевой дом «Сердце гор» — понравился ей с первого взгляда. Расположенный в Абхазии, в стороне от городов и побережья, он обещал быть по-настоящему тихим. Отзывы оказались сплошь хвалебными: свежий ремонт, новая мебель, отличная кухня, отзывчивый персонал. Цена тоже была приятной, особенно по сравнению с двумя перелётами через Атлантику. То что нужно, заключила Майя — и нажала кнопку «Бронировать».

Глава 2. Беспокойная Снегурочка

Ранним утром двадцать восьмого декабря Майя вылетела в Адлер. Перед отъездом, чем смогла, помогла дочерям в подготовке праздника. Они сообща составили меню, нарядили ёлку и украсили квартиру. Повода волноваться, что гулянка получится слишком бурной, у Майи не было — близняшки всегда были благоразумны не по годам. Все эти дни она убеждала себя, что не грустить должна, а радоваться, что её девочки становятся взрослыми. Она и радовалась — в особенности, когда видела их счастливые физиономии. Но тосковать не переставала — слишком внезапным получилось открытие. С Вадимом Майя теперь общалась реже, чем обычно, ссылаясь на страшную занятость — ей было тяжело слышать его голос, — но ни единым словом своих догадок не выдала. Мысли о нём она от себя гнала, чтобы не раскисать.

Погода в день отъезда выдалась чудесная — ясная, безветренная, не слишком холодная, но и не слякотная; Майя сочла это добрым знаком. Самолёт легко и как будто весело набрал высоту. Майя откинула спинку кресла и раскрыла журнал, привыкая к тому, что в ближайшую неделю будет просто бездельницей — и тут её вниманием завладела пассажирка, сидящая через проход от неё.

Эта пассажирка — девушка лет двадцати трёх — нервничала так, что на неё больно было смотреть. Она вздыхала и ёрзала, беспрестанно поправляла волосы, сплетала и расплетала тонкие бледные пальцы. Летать боится, бедняжка, поняла Майя. Девушка была далека от глянцевого стандарта красоты: нос уточкой, узкий мягкий рот, маленький острый подбородок, усердно покрашенные веснушки — но казалась очень славной. Майе стало её жалко. Нужно дать ей что-нибудь успокоительное или, если откажется от таблетки, научить простенькой технике релаксации — невозможно же так мучиться! Майя уже достала из сумки дорожную аптечку и совсем было собралась пересечь поближе — место возле девушки пустовало, — как вдруг случилось нечто странное.

Самолёт сильно тряхнуло, он накренился, вспыхнуло, запиликав, табло «Пристегните ремни», затем несколько раз тряхнуло снова. Человеку с аэрофобией в такой ситуации надлежало впасть в настоящую панику. С Майиной же попутчицей произошло прямо противоположное. Она прекратила дёргаться, вскинула глаза на табло, ощупала ремень, который не расстегивала после взлёта, недоумённо осмотрелась, словно только что заметила людей вокруг — и после этого сразу успокоилась. Или хотя бы стала держать себя в руках. Нет, это не аэрофобия, решила Майя. Тут какая-то другая причина для волнения. Дорожная аптечка отправилась обратно в сумку. Майя прикрыла глаза; желание обсуждать с незнакомыми девушками их проблемы у неё отсутствовало напрочь.

Но всё же попутчица её заинтриговала. Остаток пути Майя то и дело на неё посматривала, отмечая другие мелкие странности. На девушке было вишнёвое трикотажное платье, из-под которого торчали острые коленки в тонких бежевых колготках. Платье выглядело совсем новым, но купленным в каком-то дешёвом сетевом магазине. Майя знала толк в хороших вещах и цену угадывала не думая. Сумочка у девушки была под стать платью — совсем новая, но копеечная. Светлые сапожки на высоченных каблуках производили сходное впечатление. А вот маникюр — в нём Майя тоже знала толк — стоил маленькое состояние. На розовом фоне цвели тончайшие зимние узоры — такие узоры где попало нарисовать не могли. Немало денег было отдано и за причёску. Белокурые, чуть волнистые волосы небрежно разметались по плечам, но Майе не понаслышке было известно, сколько стоят эта мнимая небрежность и этот чудесный естественный тон — брови у девушки были слишком тёмными, чтобы заподозрить в ней натуральную блондинку. Весенняя яркость зелёных глаз, кстати, тоже вряд ли досталась ей от природы. Забавно, думала Майя. Отдать сумасшедшие

деньги в салоне красоты, заплатить за цветные контактные линзы — и радикально сэкономить на одежде и обуви. Может, конечно, она сама работает в таком салоне — вот и обменивается услугами с подружками. Но в эту версию Майе почему-то не верилось — а может, просто казалось скучным поверить.

После того как самолёт коснулся земли, девушка снова занервничала. Вставая, она уронила сумочку. Достала с полки над креслом маленький потрёпанный чемодан — и долго не понимала, куда его пристроить. Запуталась в рукавах, одеваясь. Тонкий пуховичок нежного сливочного цвета делал её похожей на Снегурочку — но вид у этой Снегурочки был такой, словно она уже наполовину растаяла.

В аэропорту Адлера Майю должен был встретить молодой человек по имени Артём, с которым она активно переписывалась накануне поездки — в подписи у него значилось «администратор гостевого дома». Он оказался исключительно вежливым и заботливым — по крайней мере, в этом отзывы не соврали! — и сам предложил доставить её к порогу «Сердца гор». Чутьё подсказывало Майе, что никаких накладок не будет. Она вышла на площадку перед зданием аэропорта, вдохнула не по-южному холодный воздух, отыскивала взглядом приметный рекламный щит, возле которого её обещал ждать Артём — и только тогда заметила, что вслед за нею, неуверенно балансируя на каблуках, вышагивает беспокойная «Снегурочка».

— Вы тоже в «Сердце гор»? — обернувшись, спросила у неё Майя.

— Я... да. Также... — чуть растерянно ответила девушка.

Голос у неё был чистый и звонкий.

Майя ободряюще улыбнулась:

— Тогда давайте вместе искать Артёма.

— А чего меня искать? — выныривая из толпы, жизнерадостно воскликнул высокий коротко стриженный парень в коричневой кожаной куртке. Парень был круглолиц и румян, и производил очень приятное впечатление. — Я уже тут. Здравствуйте. Вы, конечно, Ульяна Матюшкина, — обратился он к Майиной спутнице, та кивнула. — А вы — Шустова Майя...

— Михайловна, — подсказала Майя.

Ей нравилось обращение по имени-отчеству, и возраста своего она принципиально не скрывала. Пусть лучше окружающие восхищаются тем, как здорово она выглядит для своих лет, чем украдкой смеются над её попытками сохранить вечную юность.

— Майя Михайловна, — повторил Артём и махнул рукой: — Идёмте, наша машина вон там.

Грязнобрюхий белый внедорожник мирно дремал на стоянке. Артём распахнул багажник и одним движением закинул туда чемоданы обеих будущих постоялиц. Ульяна снова выронила сумочку.

— Боже, какая я неловкая! — в смущении пробормотала она.

— Ничего страшного. Вы просто устали с дороги, — наклоняясь за сумочкой, утешил Артём.

Наконец, все расселись по местам — и Майя, и Ульяна устроились на заднем сиденье, — и машина тронулась.

В многострадальной Ульяниной сумочке грянула «Хорватская рапсодия». «Снегурочка» торопливо вытащила мобильный — простенький смартфон с треснутым наискосок экраном — и защелкала:

— Алло! Да, мама. Да, я долетела! Всё в порядке. Конечно, меня встретили. Нет... нет. Лиза ещё вчера сюда приехала. Да. Как устроюсь, позвоню. Папе привет. Целую!

Закончив разговор, она тяжело вздохнула и пояснила:

— Волнуются, — хотя её никто ни о чём не спрашивал.

Майя отвернулась к окну. За ним сменяли друг друга асфальтовые извивы транспортных развязок, разноцветные купы новостроек, вереницы пальм и буйно-зелёные заросли другой субтропической растительности. Сидя в тепле автомобильного салона, легко было поверить, что снаружи не конец декабря, а середина лета. Но потом за домами и деревьями промелькнуло по-зимнему седое море. «Как хорошо, что я еду в горы!» — подумала Майя. Холодных морей она не любила.

Артём сначала молчал, а потом спросил у пассажирок, бывали ли они прежде в Адлере, и, получив отрицательный ответ, принялся взахлёб рассказывать, как сильно изменили город олимпийские стройки.

— Вы местный? — догадалась Майя.

— Ага, — с удовольствием подтвердил он. — Всю жизнь тут живу. В Абхазии я временно. Дядька мой питерский там дом прикупил, решил возить туристов. А я уже десять лет в гостиничном бизнесе, ну и...

— Понятно. Он вас нанял всё организовать.

— Точно. Мы этой весной только открылись. Круто было начинать с нуля!

— Ещё бы не круто, — согласилась Майя.

Необычайная предупредительность Артёма получила простое объяснение — для «Сердца гор» сейчас не было ничего важнее хороших отзывов клиентов.

Ульяна молчала, погруженная в свои мысли.

Артём был спокойным и аккуратным водителем, и после границы Майя начала клевать носом, а вскоре и вовсе уснула. Когда проснулась, солнце стояло совсем низко. По обеим сторонам дороги тянулся пышный лиственный лес, за которым просматривались горы.

— Скоро уже, Майя Михайловна, — сообщила Ульяна, заметив, что спутница открыла глаза. — Сейчас будет деревня... Артём сказал название, но мне не повторить...

— Я сам его второй раз не выговорю, — засмеялся Артём. — Приедем, прочитаете на карте. Мы зовём её просто деревней.

— А после неё, — продолжила Ульяна, — ещё минут десять в горы, и всё, мы на месте.

Справа лес расступился, и Майя увидела эту деревню — пару десятков серо-белых домов, прилепившихся к горному склону. Дома были очень старыми, но заброшенными не выглядели.

— Смотреть здесь особо не на что, — сказал Артём, — но можно купить неплохое вино, мёд и домашний хлеб. Соберётесь за покупками, я вам подскажу, к кому идти.

За деревней дорога резко пошла вверх, между стволами пятнами забелел снег. Вскоре лес с левой стороны дороги совсем закончился — теперь там был обрыв, и заснеженные горы за обрывом роскошно переливались всеми оттенками золотого и розового в лучах закатного солнца. Ещё чуть-чуть, и справа, среди деревьев вырос высокий забор из рыжего кирпича. Забор был совсем новым.

Артём остановил машину перед воротами.

— Приехали!

Тяжёлые металлические створки медленно расступились.

— Место у нас тут спокойное, но глухое. Гостям за забором уютней, — заезжая во двор, пояснил он.

Перед Майей возник приземистый и широкий двухэтажный дом с мансардой, с каменным первым этажом и деревянным вторым. И камень, и дерево несли на себе следы недавнего косметического ремонта. Двор был выложен узорчатыми шестиугольными плитками и засажен кустами самшита. Входную дверь обрамляла арка из еловых веток, густо перевитая электрическими гирляндами, а над аркой голубым и красным сияло: «С Новым годом!» Майя осталась довольна: рекламные картинки совпали с реальностью.

Внутри было очень тепло и пахло хвойной древесиной — не то от новых панелей на стенах, не то от огромной нарядной ёлки, установленной в просторной квадратной комнате напротив входа. Артём привёл Ульяну и Майю в комнатку с табличкой «Администратор» на двери, где взял у них деньги за проживание и вручил ключи от номеров.

— Устраивайтесь — и спускайтесь в столовую, направо от входа, — ни на секунду не теряя любезности, пригласил он, прежде чем гости ушли. — Ужин в восемь, но Натэлла вас накормит с дороги. Да, и вот ещё что. У нас тут плохо с мобильной связью. В доме почти не ловится, лучше всего — во дворе и в холле на втором этаже. Но есть стационарный телефон, — Артём показал на аппарат у себя на столе, — вы всегда можете позвонить с него.

— А интернет? — спросила Майя.

— ADSL. Если вам понадобится, пользуйтесь моим компьютером.

Вот и славно, рассудила Майя. Чем меньше людей сумеют с ней связаться, тем лучше. О работе она решила не вспоминать здесь вовсе, да и с семейством долгих бесед вести не планировала.

Ульяна отправилась к себе первая, Майя чуть замешкалась, и Артём спросил, убирая деньги:

— Как вам у нас, Майя Михайловна? Понравилось?

Он так явно болел душой за своё детище, что это её даже растрогало.

— Дом и двор — чудесные, — с улыбкой ответила она. — А кроме них я пока ничего не видела.

— Надеюсь, номер вас не разочарует. И еда тоже. Натэлла обалденно готовит!

— Много сейчас гостей? — любопытствовала Майя.

— Не очень... летом было больше, конечно. Отсюда до моря на машине рукой подать. Сейчас из развлечений одна охота, лыжную трассу мы ещё толком не оборудовали. Так что пока только шестеро. Вы двое, семья из Самары — мама, папа, сын — и племянник Натэллы, он охотник. Три человека приедут сегодня вечером, больше пока никого не ждём.

— А ещё Лиза, — заметила Майя будто невзначай.

— Какая Лиза? — не понял Артём.

— Ульянина подруга. Ульяна сказала, Лиза уже приехала.

— Лиз у нас нету, — Артём равнодушно пожал плечами. — может, она в деревне остановилась? Хотя там особо негде.

Вот ведь врушка, беззлобно подумала про Ульяну Майя — и пошла в номер.

Глава 3. Вино для незнакомых

Майе достался номер в мансарде, небольшой, но очень уютный. Стены и наклонный потолок были облицованы тёплым золотистым деревом. Почти весь номер занимала широкая кровать, застеленная полосатым оранжево-голубым покрывалом. Из треугольного окна над ней открывался вид на горы, очертания которых в сгустившихся сумерках едва угадывались. На полке над изголовьем стояла миленькая новогодняя композиция. В изножье висела на стене панель телевизора. Ещё здесь были пушистый шерстяной коврик в тон покрывалу, тумбочка с настольной лампой, встроенный платяной шкаф, лёгкий деревянный стул и крошечная, идеально чистая ванная с душевой кабиной. Всё это вполне соответствовало как рекламным картинкам, так и Майиному страстному желанию выспаться.

Майя развесила одежду, расставила под зеркалом в ванной бессчётные флаконы и баночки — и долго разглядывала своё отражение, словно искала в нём что-то новое. Однако отражение было таким, как прежде: густые тёмные волосы, слегка «поплывший» правильный овал лица, высокий гладкий лоб, тонкие брови, ясные карие глаза в чуть заметных лучиках морщин, крупный прямой нос, красиво изогнутые губы. В волосах не прибавилось седины, глаза не потускнели, морщины не стали глубже, и это странно диссонировало с Майиным самоощущением — ей казалось, она бы не удивилась, увидев в зеркале древнюю старуху. Но Майе пока не хотелось копаться в себе, отыскивая причины диссонанса. Успеется! Впереди целых семь дней одиночества и покоя.

Она позвонила дочкам, для чего, и правда, пришлось спуститься в холл второго этажа, доложила, что благополучно доехала, но сама донимать их вопросами не стала. Там же, в холле, познакомилась с горничной — маленькой и шустрой, похожей на белую мышку девушкой Олесей. Вернулась в номер, приняла душ, высушила и заколола на затылке волосы, натянула ничем не примечательные серые брючки и серую водолазку. Посмотрела на часы: половина седьмого. Майя много лет соблюдала правило не есть после шести, а потому решила перекусить прямо сейчас, «оставив врагу» восьмичасовой ужин. Она и так будет безбожно нарушать режим, отказавшись от ежедневного пилатеса.

Столовая была длинной и узкой комнатой с тремя большими деревянными столами. Комната пустовала, но стоило Майе примоститься на стул, как рядом с ней материализовалась седовласая женщина с крупными чертами лица, с виду весьма суровая. Без единого слова она плюхнула перед Майей три тонких пластиковых папки. На одной было написано просто «Меню», на двух других — «Вегетарианское» и «Низкокалорийное».

— Добрый вечер, Натэлла, — поздоровалась Майя и на всякий случай уточнила, смущённая её молчанием: — Мне можно отсюда что-то заказать?

— Не можно, а нужно. На ужин и на завтрак, — с чуть заметным местным акцентом проговорила Натэлла. — Сейчас у меня только ачашв. Принести?

— Ачашв?

— Пирог с сыром.

Это было совсем не то блюдо, которое Майе стоило есть вечером.

— Не надо, спасибо, — вздохнула она и придвинула к себе «низкокалорийную» папку.

— Ерунда все эти ваши диеты, — проворчала Натэлла, тумбообразная фигура которой наглядно демонстрировала, к чему ведёт нежелание считать калории. — Но как хотите. Салаты и всё такое будут не раньше восьми.

Майя вздохнула снова и выбрала то, что выглядело меньшим злом:

— Ладно. Несите ваш ачашв. И больше я сегодня есть не буду.

Через пару минут перед ней стояли тарелка с нарезанным клинышками пирогом и кружка горячего чаю с мёдом. От запаха пирога у голодной Майи помутилось в голове. Опомнилась она только тогда, когда и тарелка, и кружка опустели.

— Вы настоящая волшебница! — с чувством сказала Майя пришедшей за посудой поварихе. — Я в жизни не ела ничего вкуснее. Как вы это сделали?

Натэлла не удостоила её ответом.

Майя вздохнула в третий раз:

— Передумала. Я буду ужинать!

«И пропади она пропадом, моя диета!»

На ужин попросила себе фасоль с грецкими орехами.

Потом поднялась в номер и в сытом блаженном безмыслии упала на постель. Постель была на редкость удобной. Вскоре Майе наскучило рассматривать деревянные разводы на потолке, она перевернулась на живот и выглянула в окно. В этот момент ворота распахнулись, и в ярко освещённый двор заехал тёмно-синий «фольксваген». Из него выбрался мрачный молодой человек в джинсах и синей куртке с пушистым серым воротником, вытащил из багажника объёмистую спортивную сумку и ярко-красный сноуборд и скрылся в доме. Вслед за «фольксвагеном» появилась серебристая «тойота», которая привезла мужчину и женщину, столь же далёких от старости, что и предыдущий гость. Мужчина был долговым и сутулым, женщина — миниатюрной и фигуристой. На её плечах блестело в электрическом свете короткое манто из чёрного меха.

Майя посмотрела на часы. До ужина оставалось ещё десять минут, но вернуться вниз хотелось прямо сейчас — фасоль с орехами владела её воображением. Пришлось подняться и идти на первый этаж. В холле было шумно. Артём советовал гостям сначала поужинать, а уж потом обживаться в номерах. Гости наперебой делились впечатлениями от дороги. Натэлла пыталась выяснить, какую еду предпочитают вновь прибывшие. Фоном звучала бодрая новогодняя музыка. Спасаясь от бедлама, Майя проскользнула в столовую. За ближним столом лицом к двери уже сидела Ульяна, одетая в белую блузку с короткими рукавами и натянутая как струна. Горничная Олеся раскладывала рядом с тарелками столовые приборы.

— Какое приятное место это «Сердце гор», — сказала Майя, устраиваясь напротив Ульяны.

— Очень приятное, — откликнулась та без выражения.

— А сырный пирог вы уже попробовали? Сумасшедшая вкуснятина.

— Нет, пока не пробовала, — очевидно, желания поддерживать беседу у Ульяны не было.

Гомон у входа, наконец, прекратился, в столовую чередой потянулись постояльцы.

Самый дальний стол заняла «семья из Самары» — супруги средних лет и мальчик-подросток. У женщины были выпуклые рыбы глаза и тонкие желчные губы, у мужчины — очки в роговой оправе и лысеющий высокий лоб, а у мальчишки — брекетy и рыжие, как лисий хвост, короткие вихры. За средний стол усадили всех «новеньких». К Ульяне и Майе, воскликнув «вах, какой цветнык!», подсел колоритный синешёкий кавказец в розовой клетчатой рубашке — племянник Натэллы, догадалась Майя. Еда была так прекрасна, что разговоры гасли, не родившись — только и слышно было, как стучат ножи и вилки. Не ела одна Ульяна — приличия ради она ковырялась в тарелке, но в рот не отправила ни крошки. Плечи у неё были каменными.

В середине трапезы на пороге столовой возник Артём и объявил:

— Дорогие гости, после ужина прошу не расходиться! В соседней комнате всех ждут десерты и вина.

Майя закончила ужинать последней. Вдумчиво, смакуя каждый кусочек, она съела свою фасоль, добавила к ней два салата, один другого острее, порцию жареного мяса и пресную лепёшку с зеленью. У этого внезапного обжорства был отчётливый привкус бунта.

Соседняя комната — та самая, где сияла сказочным светом новогодняя ёлка — представляла собой что-то вроде гостиной. Здесь были низкие диванчики вдоль стен, полки с книгами, большой телевизор и журнальный столик, на котором стояли блюда со сладостями, бутылки и бокалы. Артём разливал вино. Парень из синего «фольксвагена», по-прежнему очень хмурый, с полным бокалом в руках сидел напротив телевизора, но на экран, где крутилась лентами серпантина «Карнавальная ночь», совсем не смотрел. На диване у ёлки расположились трое: закинувший ногу на ногу кавказец и чуть поотдаля, в обнимку — парочка из серебристой «тойоты». Посреди комнаты стояли родители рыжего мальчика, его самого с ними не было. Женщина тянула мужчину за рукав, в её напряженной позе читалось: «Нечего нам тут делать!»

— Проходите скорее, — завидев Майю, обрадовался Артём. — Какое вино предпочитаете?

— Любое, на ваш вкус, Артём, — откликнулась Майя и приняла у него бокал, пропустив мимо ушей название — к спиртному она была равнодушна.

Администратор обратился к стоящим:

— Софья, Алексей Петрович, а вам?

— Нам — никакого, — голосом, резким, как у сороки, сказала Софья. — Алкоголь — яд!

— Но, Софочка, как же так? Приехать в Абхазию — и не попробовать местное вино? — взмолился её муж.

— Алкоголь — яд, Алёша! — повторила она. — Бокала в новогоднюю ночь тебе будет более чем достаточно.

— Что вы такое гаварите, Софья! — вмешался племянник Натэллы. — Наще вино — нэ яд, наще вино — элэксир жизни!

Акцент у него был куда сильнее, чем у Натэллы, Майя заметила это ещё в столовой и не могла отделаться от ощущения, что это просто рисовка. Манеры Вахтанга и весь его облик её тревожили — скользкий тип!

— Вот и пейте сами свой «эликсир», сколько влезет! — окончательно рассердилась Софья. — А мы с Алексеем Петровичем...

Артём поспешил пригасить ссору:

— Ладно-ладно, это ваше право! Но хотя бы попробуйте сладости. В них ни грамма сахара, только мёд, орехи и фрукты.

Он отставил бутылку, подхватил из стопочки две картонных тарелки в разноцветный горошек и ловко разложил на них ромбики пахлавы, какие-то золотистые шарики и красно-коричневые фруктовые рулеты. Взгляд, который Артём послал Алексею Петровичу, вручая тарелки его жене, был полон сочувствия.

— Спасибо, — виновато улыбнулся Алексей Петрович.

Софья ничего не ответила, но тарелки взяла и одну из них отдала мужу. Осмотрелась, увидела позади себя свободный диван и села. Муж последовал за ней.

Майя устроилась на том же диване, что и парень из «фольксвагена», и пригубила вино — невыносимо вкусное, как все съедобные вещи в этом доме.

— А давайте знакомиться! — предложила вдруг девушка из «тойоты». — Нам же всё-таки вместе встречать Новый год. Чем лучше мы успеем узнать друг друга, тем веселее получится.

У неё был бархатный грудной голос, из тех, какие называют сексуальными. И сама она была очень хороша собой — полногрудая, изящная, с тонкими запястьями и щиколотками, высокими скулами, миндалевидными глазами и гривой густых каштановых волос. Её

наружность забавно контрастировала с наружностью её спутника, нескладного, длиннолицего и долгоносого брюнета, чьи маленькие глазки стремились к переносице, а губы имели неестественно красный цвет.

— Какой хароший мисл! — поддержал кавказец.

— Меня Анжела зовут, — представилась девушка и с задорной улыбкой посмотрела на спутника. — А это мой муж Валентин. Мы ростовчане.

— Я журналист, моя жена актриса. Всего месяц, как поженились, — похвастался Валентин. — Летом были тут проездом, очень понравилось, и мы решили...

— ...Что обязательно вернёмся сюда после свадьбы, — закончила за него Анжела.

Следующим заговорил кавказец. Назвался Вахтангом, сказал, что «нац нэсравнэнний Натэлла» — его тётка, что у него бизнес в Сухуме и что в «Сердце гор» он приехал охотиться и чревоугодничать. Затем передал эстафету парню из «фольксвагена».

— Кирилл, — не переставая хмуриться, вымолвил тот. — Я из Воронежа. У меня там тоже... бизнес. Канцтовары. Сюда приехал покататься и подумать о своём месте в мире.

— Насчёт покататься — не уверен, — подал голос Артём. — Трассы пока всё равно что нет.

— Разберусь, — излишне резко буркнул Кирилл и умолк.

Симпатичный парень, подумала Майя, искоса его рассматривая. Мягкие, но совсем не женственные черты, пшеничная чёлка, короткие светлые усики и бородка. Было видно, что ему привычна улыбка — в норме он, наверное, шутник и балагур. Но сейчас его взгляд был потухшим, словно припорошенным пеплом, а уголки рта безнадёжно поникли. Что же такое с ним случилось, из-за чего он сбежал в эту глушь «думать о своём месте в мире»? «Неважно! — снова, как в самолёте, остановила себя Майя. — Что мне за дело до чужих проблем?..»

Настала её очередь представиться. Растекаться мыслью по дереву было лень и незачем.

— Майя Михайловна, из Москвы. Какое совпадение — я тоже приехала подумать о своём месте в мире.

— Да вы с Кириллом философы! — засмеялась Анжела.

Затем в разговор вступила Софья, которая до сих пор выглядела крайне недовольной, хотя с содержимым тарелки расправлялась шустро. Алексей Петрович — инженер, доктор технических наук, сказала она. Сама Софья — домохозяйка, их сын «Борюсик» учится в седьмом классе. В «Сердце гор» приехали по совету Софьиной подруги, отлично отдохнувшей тут летом.

И лишь когда она замолчала, Майя заметила, что в комнате есть ещё один человек. Ульяна, бледная, как гипсовая статуя, и такая же неподвижная, сидела в самом тёмном углу — и выглядела уже не взволнованной, а потерянной. Майе снова стало её жалко.

— Идите к нам, Ульяна. Чего вы там сидите одна? — позвала она и чуть придвинулась к Кириллу, освобождая место на краю дивана.

Девчонка сразу же встрепенулась, вскочила и пересела поближе.

— Ульяна, по-моему, тоже из Москвы, мы прилетели на одном самолёте, — сообщила компании Майя. — А остальное она вам расскажет сама.

— Я... да, я из Москвы. Я учитель литературы. Моя коллега тоже была тут летом, говорила — здорово. И... бюджетно. Вот я и приехала... — сбивчиво пролепетала Ульяна.

Натренированное ухо Майи снова уловило ложь, но в чём именно, понять не удалось. Ульяна взяла полный бокал.

— Пойдите! — Майя придержала её тонкую прохладную руку, шепнула: — Вы же с утра ничего не ели. Плохо станет от алкоголя на пустой желудок, — и протянула свою тарелку со сладостями, к которым ещё не успела притронуться.

Потом Вахтанг предложил выпить за знакомство и сказал короткий смешной тост, которого Майя не запомнила. Вино оказалось хмельным и сразу ударило в голову. Алексей Петрович и Софья незаметно исчезли из комнаты. Артём переключил телевизор на музыкальный канал и прибавил громкости. Анжела по-прежнему сидела под боком у Валентина, державшего её за руку и нежно перебиравшего пальцы — но болтала при этом с Вахтангом и, кажется, начала с ним кокетничать. Кирилл, откинувшись на спинку дивана, рассматривал сквозь вино в своём бокале огни на ёлке. Ульяна взбодрилась от съеденного и выпитого, её напряжение пошло на спад, зелёные глазищи заблестели. Майя выпила ещё и решила, что ей хватит. Прежде чем встать, она склонилась к Кириллу и тихонько проговорила:

— Пожалуйста, позаботьтесь о девушке. Не то она умрёт от застенчивости!

Кирилл не сказал: «Конечно!» — но и не огрызнулся, что было хорошим признаком.

Она благодарно кивнула Артёму и пошла к себе. У порога коротко глянула через плечо — Кирилл о чём-то спрашивал Ульяну, Ульяна в ответ расцветала робкой улыбкой.

Упав на постель в номере, Майя вспомнила о Вадиме: «Я могла бы сейчас лететь с ним на Гавайи. Может, зря не полетела?...» И сама себе ответила: «Не зря!» Её душа по-прежнему просила тишины и одиночества.

Но позвонить мужу всё-таки стоило. Отыскав телефон, который с середины вечера лежал на полке над кроватью, Майя переместилась с ним в холл, нажала боковую кнопку, оживляя — и замерла. С неё даже хмель слетел, так она удивилась. На экране светился ежедневник, раскрытый на пустяшной заметке трёхнедельной давности. Майя точно помнила, что не трогала ежедневник со вчерашнего дня. Последнее, что делала с телефоном — звонила домой с кнопки быстрого вызова. «Выходит, кто-то рылся в нём, пока я прохлаждалась внизу», — заключила она с брезгливым недоумением.

Глава 4. Чужие дела

История с телефоном Майю скорее раздосадовала, чем расстроила. Ничего секретного она там не держала, никаких «шпионов» не опасалась — просто противно стало, что к её интимной вещи прикасались чужие руки. Вряд это были руки вора — нигде в комнате, похоже, больше ничего не искали. Золотые серьги, которые Майя сняла перед душем, мирно лежали на полочке под зеркалом. На всякий случай она убрала их в маленький сейф в глубине шкафа, где уже были спрятаны документы и деньги.

Что ж, значит, среди обитателей «Сердца гор» кто-то любопытен не в меру! Гадать, кто именно, смысла не было — кто угодно, кроме Кирилла, Анжелы и Валентина, с момента приезда всё время находившихся у Майи перед глазами. Она не запирала номер, когда отправилась перекусить — рассчитывала быстро вернуться. Внизу никого, кроме Натэллы, не видела — да и та не сидела на месте. Ключ в замке повернула позже, уходя на ужин — но во время ужина любой из персонала гостевого дома мог воспользоваться дубликатом.

Поразмыслив, Майя решила пока не жаловаться Артёму — у которого, между прочим, тоже отсутствует «алиби»! — а сначала понаблюдать за развитием событий. Но дверь, конечно, оставлять открытой больше не стоит.

Спасибо горному воздуху — несмотря на вечернее происшествие, спала Майя отлично. А утром сделала то, чего почти никогда не позволяла себе в Москве — полчаса бесцельно провалялась в постели. Пощёлкала пультом телевизора — по всем каналам шла какая-то муть — и стала смотреть в окно, что было куда интересней.

Под окном маячил кряжистый мужчина с ёжиком седых волос, одетый в камуфляжную куртку и серые брезентовые штаны с десятком карманов. Вчера он Майе на глаза не попался. Мужчина подметал двор и явно получал удовольствие от процесса — так размашисто и размеренно он двигался. Выражение лица у него было таким же внушительным, как и фигура — пожалуй, слишком внушительным для обычного дворника. Наверное, он не только дворник, но и охранник, рассудила Майя. А может, ещё и егерь — кто-то же здесь заведует охотой.

Из-за угла дома появился мальчик Боря в натянутом до глаз капюшоне чёрной толстовки — только розовый конопатый нос торчал наружу. Боря водил носом из стороны в сторону, будто что-то высматривал. При виде человека с метлой парнишка на миг застыл, затем, стараясь остаться незамеченным, двинулся назад, за угол. Вскоре во двор вышла Софья; широкое коричневое пальто в крупную клетку безбожно её наполнило. Мужчина обернулся к ней, она о чём-то его спросила, он показал подбородком туда, куда убежал её сын. Софья ринулась за Борей. Полминуты спустя бедолагу увели в дом — за руку, как пятилетнего. Смотреть на это было смешно и грустно.

К десяти часам Майя, наконец, собралась вставать. Опоздать к завтраку она не боялась, уверенная, что Натэлла не оставит её голодной. Но следовало позвонить девочкам, пока они не умчались на занятия в свою художественную академию — а в номере по-прежнему не было связи. Майя неторопливо оделась, стянула волосы в небрежный хвост, взяла мобильный и отправилась на второй этаж. Спускаясь по лестнице, она услышала голос Ульяны и вскоре увидела её саму, принаряженную во что-то по-весеннему цветастое и слегка накрашенную.

— ...Не ошиблась, — негромко говорила кому-то Ульяна, которая появилась в холле с той же целью, что и Майя, — но я и не думала, что ты ошибёшься. Да никак! Нет, Зоська, нет! Ничего не получится. Я не пессимистка, я реалистка. Сама ты балда! И если ты опять... — тут она заметила Майю и осеклась: — Всё, перестань. Мне неудобно говорить. Пока, Зось. Я ещё позвоню.

— Говорите, говорите, я позже приду! — замахала руками Майя, но Ульяна уже дала отбой.

В столовой, куда Майя попала через десять минут, за дальним столом заканчивали завтрак Валентин и Вахтанг. Анжела отсутствовала, что было совсем не удивительно — актрисы часто привычны к вечернему образу жизни и не встают с постели до середины дня.

Валентин, нервно посмеиваясь, заканчивал фразу:

— ...Кранты нам с тобой, если попадёмся!

— Какой-такой кранты?! Камар носа не падтощит, слющай! — экспрессивно возражал Вахтанг.

Судя по хитрым физиономиям, эти двое замыслили какую-то каверзу. При появлении Майи они переглянулись и примолкли. «Что за утро! Всё время кому-то мешаю», — подумала она, не испытывая ни малейших угрызений совести.

Она доела запеканку из творога и инжира и приступила к кофе, когда её окликнул Артём:

— Майя Михайловна, не желаете прогуляться в горы? Нури готов вас сопровождать.

— Нури? — речь, должно быть, шла о давешнем незнакомце с метлой.

— Вы его разве вчера не видели? Он наша палочка-выручалочка — и гид, и егерь, и охрана.

— И за порядком во дворе тоже следит он, — улыбнулась Майя.

Артём подхватил улыбку.

— Не только во дворе, но и в доме. Что бы мы без него делали? Об этих местах Нури знает всё, он тут родился и вырос. Так что советую пойти с ним на экскурсию, вы точно не пожалеете.

— Спасибо, Артём. Я и не стала бы отказываться.

Свободная от обязательств и планов, Майя наслаждалась возможностью импровизировать.

— Одевайтесь в самое тёплое, — посоветовал администратор, — чем выше, тем холоднее. И обувь нужно поудобней.

Когда, собравшись, она вышла во двор, выяснилось, что, кроме неё, на прогулку собрался Кирилл. Он держал под мышкой свой пламенно-красный сноуборд.

— Надежда умирает последней? — усмехнулась Майя, имея в виду предупреждение Артёма о неготовности трассы.

— Типа того, — пожал плечами Кирилл. — Не верю я, что здесь нет ни одной приличной горки.

Сегодня его мрачность не так сильно била в глаза — а может, Майя просто успела к ней привыкнуть.

— Готовы? — спросил, приблизившись, Нури.

Кирилл и Майя кивнули.

— Тогда пошли. Не отставать и самостоятельностью не заниматься! Заблудитесь — останетесь в горах, я вас спасать не буду.

«Будет как миленький», — рассматривая Нури, подумала Майя. Таких основательных и ответственных, как он, ещё поискать. «Сколько же ему лет? — подумала она потом. — Пятьдесят? Семьдесят?» В пользу второй версии говорили глубокие морщины, избородившие смуглое лицо с тяжёлым подбородком. В пользу первой — крепкое, подтянутое тело. А глаза — те и вовсе блестели, как у тридцатилетнего. Голос Нури был низким и хриплым, акцент — разве что чуть сильнее, чем у Натэллы.

И они пошли. Нури — впереди, его подопечные — на два шага сзади. Разбитый асфальт, по которому Майю сюда привезли, за домом сменился щебёнкой, затем дорога повернула в лес и превратилась в каменистую тропу, но идти было на удивление легко. Воз-

дух, и в самом деле, становился всё холоднее — изо рта уже вырывался пар. Под деревьями снег лежал не островками, как раньше, а сплошным покровом.

— До реки — и обратно, к обеду как раз вернёмся, — сообщил, обернувшись, Нури.

— Что за река? — поинтересовалась Майя.

— Руга. К морю течёт, как все наши реки.

Кирилл поначалу шёл молча. Майе, поймавшей волну безмятежного созерцания, молчание совсем не мешало. Но, видимо, мешало Кириллу, потому что, перехватив сноуборд другой рукой, он вдруг произнёс:

— А вы, выходит, тоже приехали сюда размышлять о своём месте в мире, Майя Михайловна?

— Выходит, так.

— Что же вас к этому подтолкнуло?

— Всякое в жизни случается, — уклонилась от ответа Майя; она не собиралась ни с кем откровенничать.

— Даже у таких красивых женщин, как вы? Кто бы мог подумать, — хмыкнул Кирилл. Непонятно было, ёрничает он или говорит всерьёз. — А семья у вас есть?

— Есть. Дочки-близнецы и муж, — при слове «муж» у неё сжалось сердце.

— И как только вас отпустили сюда одну?

— Муж в командировке за границей. А дочки взрослые — у них своя компания, мне не хотелось им мешать.

— Ясно. А у меня нет семьи, — Кирилл сглотнул, поиграл желваками и добавил: — Больше нет. Когда-то была.

Тут Майя сообразила, что уже успела инстинктивно подстроиться под его шаг и теперь, не останавливаясь на достигнутом, пытается уловить ритм его дыхания — а с губ её готово сорваться профессионально-доверительное: «Вы хотите рассказать мне об этом?». И так рассердилась на свою неспособность отвлечься от чужих забот, что резко и даже грубо поменяла тему:

— Откуда вы узнали про «Сердце гор», Кирилл?

Может, он и был раздосадован, не получив той реакции, на какую рассчитывал, но виду не подал. Спокойно перекинул ей мячик:

— А вы?

— Из интернета. Искала тихое место для новогодних каникул — и наткнулась. Практически случайно.

— И я — из интернета, практически случайно. У меня отец воевал в Абхазии в девяностые, а сам я никогда тут не был. Всё хотел съездить, посмотреть на те места, про которые я от него слышал, но, знаете, вечно что-то мешало. А тут вдруг выяснилось, что Новый год мне встречать не с кем. Ну, я и рванул сюда. «Сердце гор» в поиске выпало первым.

Майе, всё ещё злившейся на саму себя, эта фраза показалась излишне многозначительной. К счастью, отвечать не потребовалось.

— Пришли! — объявил Нури.

Через несколько шагов лес расступился, и впереди открылось неглубокое узкое ущелье, по дну которого, играя и пенясь, неслась река. Окрестные склоны были совсем белыми от снега.

— О! Горки! — оживился Кирилл. — Я же знал, что они здесь есть!

— Даже не думай! — осадил его Нури. — Костей твоих потом не соберём. Где прокатиться, покажу на обратном пути. Но лучше приезжай через год, когда у нас будет трасса.

Кирилл вздохнул и отвёл глаза от милых его сердцу снежных распадов.

— Нури, — сказал он, — теперь вы должны поведать нам старинную легенду о прекрасной горской девушке Руге, что утопилась в реке, когда погиб её возлюбленный. Или

о коварной изменнице Руге, утопленной обманутым мужем, который потом от тоски по ней заколол себя кинжалом на берегу. Даже не знаю, какой вариант мне больше понравится.

— Зачем вам эти байки для туристов? — без улыбки ответил гид. — Горы прекрасны как есть, украшения им не нужны.

Он отвёл Кирилла и Майю вниз, к реке, и показал маленький водопад чуть выше по течению. По тому, с какой лёгкостью Нури находил удобный способ одолеть любую кручу, было понятно, что места эти он, действительно, изучил как свои пять пальцев. «Баек для туристов» он не рассказал ни одной — то ли по незнанию, то ли просто из принципа. Зато с исключительной щедростью делился сведениями о местной флоре и фауне. «Будь я натуралистом или мужчиной-охотником, — думала Майя, с камня на камень перебираясь над рекой, — я бы ходила за ним хвостом до конца отпуска!»

В начале второго компания двинулась в обратный путь. Теперь Нури выбрал другой маршрут — как и обещал, показал Кириллу безопасный пологий склон, расположенный совсем рядом с домом.

— Это разве горка? Такого добра и в Воронеже навалом, — разочарованно протянул парень.

Но три раза всё же скатился. Майя с удовольствием наблюдала за тем, как ловко и уверенно он двигается. Катание пошло Кириллу на пользу — щёки у него загорелись румянцем, светлые усы встопорщились и даже взгляд как будто слегка прояснился.

К обеду Майя явилась, исполненная того сладкого, здорового утомления, какое даёт физическая активность на свежем воздухе. Народу в столовой было уже много, не хватало только Вахтанга и Кирилла. Ульяна сидела молчаливая, но на удивление спокойная, и даже ела она с аппетитом. Иногда по её лицу пробежал солнечный зайчик потаённой улыбки. Ангела и Валентин держались за руки и вполголоса о чём-то переговаривались, однако это нисколько не мешало им стремительно опустошать тарелки. Софья, никого не стеснясь, громко препиралась с сыном.

— Мама, я же не козлёнок — есть одну траву! — возмущался он. И тут же канючил: — Давай, закажем на ужин шашлык, ну давай, мам!

— Борюсик, как тебе не стыдно! — поджимала губы она. — Мясо — это плоть убиенных животных. Ты хочешь стать соучастником убийства?

Впрочем, на убеждённую вегетарианку Софья не походила — скорее, на вздорную и переменчивую поклонницу всех без разбора «оздоровительных практик». Завтра какая-нибудь подружка разрекламирует ей мясную диету — и бедному семейству придётся неделями обходиться без овощей и хлеба.

Алексей Петрович не вмешивался и послушно жевал «траву».

Вставая из-за стола, Майя сказала себе: «Теперь — спать!» Этого требовало её тело, а она уже решила в ближайшие шесть дней выполнять все его желания. Но путь до кровати, застеленной полосатым оранжево-голубым покрывалом, сколь бы короток он ни был, не обошёлся без приключений. Таким уж получался этот день — как ни старалась Майя отгородиться от чужих проблем, они упорно находили её сами.

Чтобы попасть в свою мансарду, она должна была пройти мимо всех номеров на втором этаже. Одна из дверей распахнулась прямо у неё перед носом. В коридор выскочил Вахтанг — выскочил так быстро и неловко, словно его вытолкнули. В проёме стоял Кирилл, весь в пунцовых пятнах от гнева.

— Я никогда на это не пойду. Никогда. Вы меня поняли?.. — неестественно тихим и ровным голосом проговорил он.

— Пажалеещ, дарагой! Хар-рашо пажалеещ! — выплюнул Вахтанг, развернулся и зашагал в сторону лестницы.

Глава 5. Игра в фанты

Майя спала до темноты, а проснувшись, долго не хотела вылезать из-под одеяла – сама перед собой притворялась, что всё ещё спит. «Это не „Сердце гор“, это какой-то Спиешпей!» – думала она, зарываясь лицом в подушку. Подушка пахла теплом и домашним уютом. Однако слово «Спиешпей» – название сонного царства из детской книжки, которую когда-то обожали дочери – всплыв в памяти, заставило-таки Майю вытащить себя из постели и выйти в «телефонный» холл. Близняшки, бодрые и всем довольные, принялись на два голоса уговаривать её не волноваться. Из этого Майя сделала вывод, что без необходимости звонить им чаще одного раза в день не стоит – дабы не напрягать опекой. Телефон гостевого дома им оставлен, потребуется – позвонят сами. Потом она вернулась к себе, включила телевизор, не очень-то надеясь найти что-нибудь стоящее, но наткнулась на «Джентльменов удачи», которых всегда могла смотреть с любого места. Когда фильм закончился, выяснилось, что уже заканчивается и ужин. Лишить себя Натэллиной стряпни Майя была не готова. Нужно узнать, не приносят ли тут еду в номер, решила она, собираясь – одеваться и причёсываться было отчаянно лень.

Перед полуоткрытой дверью столовой Майя увидела Вахтанга. В руках у него был широкий прямоугольный поднос, на котором стояли фарфоровые чайники, чашки и пиалушки с мёдом.

– Паможешь аткрит? – показав взглядом на дверь, попросил он.

– Конечно, – Майя взялась за ручку.

Из столовой доносилось ровное гудение.

– Нэбольшой аварэя, – пояснил Вахтанг, – Натэлле прэщлос убэрат. Сказаль мэнэ, чай нэси, пака нэ астыль.

«Небольшая авария» оказалась опрокинутым блюдом какой-то хрупкой светлой выпечки, вероятней всего, безе. Обломки разной величины разлетелись по всей столовой. Крупные, ползая на коленках, собирала горничная – не та блондинка Олеся, которую Майя видела вчера вечером и сегодня утром, а другая, чёрненькая и кудрявая, как барашек. Горничной помогал Валентин – или, скорее, делал вид, что помогает. Натэлла пылесосом втягивала мелкую крошку; лицо у суровой поварихи было таким, словно она вот-вот расплчется.

Майя уселась на обычное место. Вахтанг с ловкостью заправского официанта расставил на столах чайники, чашки и мёд. Натэлла к тому времени закончила пылесосить, а горничная – ползать по полу. Натэллин племянник задвинул пылесос в угол, обнял тётку за плечи и принялся утешать на своём языке. Похоже было, что он, и правда, её любит.

Потом Натэлла и горничная ушли, Вахтанг взялся за чай, и в столовой, наконец, стало тихо. Но тишину эту почти сразу нарушил шёлковый голос Анжелы, в котором мелькнула чуть заметная капризная нотка:

– А я вот хочу вечеринку! Таковую же, как вчера. Кто со мной?

– Полагаете, Артём каждый вечер будет поить нас вином за счёт заведения? – не оборачиваясь, проворчал Кирилл, расположившийся за тем же столом, что и Майя, спиной к Анжеле.

Та засмеялась:

– Ни в коем случае! Сегодня мы с Валечкой всех угощаем. Правда, Валечка?

– Правда, любимая, – флегматично согласился Валентин.

Так и вышло, что после ужина обитатели «Сердца гор» снова плавно перетекли в соседнюю комнату. А Майя снова была в отстающих. К тому времени как она явилась в гостиную, там уже успели передвинуть диваны, и компания – Анжела с Валентином, Вахтанг, Кирилл

и Ульяна – расселась вокруг журнального столика. Ни Кирилл, ни Вахтанг не подавали виду, что днём между ними вышел конфликт.

В отличие от мужчин, обе девушки были очень нарядными. Ульяна в этот раз надела коротенькое открытое платье из мягкого голубого трикотажа, а закрученные локонами волосы собрала в высокий хвост. Если бы не Анжела, от неё невозможно было бы отвести глаз. Но Анжела, в закрытом и облегающем, как вторая кожа, атласно блестящем тёмно-зелёном платье с разрезом до середины бедра, забрала себе львиную долю мужского внимания. Она не только блистала красотой – она улыбалась и двигалась, как воплощение соблазна.

Артёма Майя увидела возле подоконника, куда сегодня поставили бутылки и блюдо с фруктами. Он опять разливал вино. Алексея Петровича и Софьи, разумеется, не было.

– Майя Михайловна, идите к нам! – позвала Анжела. – Мы собираемся играть... Но я до сих пор не знаю, во что. В карты эти скучные существа играть отказываются! А сначала – вы только представьте! – они отказались танцевать.

– Я не умею в карты, – тихо сказала Ульяна.

– А я – не люблю! – громко сказал Кирилл.

– А для танцев мы все пока маловато выпили, – добавил со смешком Валентин.

Артём счёл за благо вмешаться:

– Но у нас полно других игр! «Монополия» вон... «Каркассон»...

– Там же ду-умать надо! – шутливо надула губки Анжела.

– Не хотите думать – играйте в лото! – и Артём поставил на стол деревянный ящичек с бочонками, карточками и фишками.

– Как играете? – спросила Майя, намереваясь присоединиться. – На деньги или просто так?

Ответ был неожиданным:

– На жиланэ! – с довольным видом сообщил Вахтанг.

– Не совсем на желания, – уточнила Анжела. – Проигравшие будут тянуть фанты. А фанты у нас уже есть.

Валентин достал из кармана и пристроил рядом с лото маленькую яркую коробочку.

Чего совершенно не стоило делать – так это играть в фанты с молодой и, похоже, слегка сумасбродной компанией! Майя махнула рукой:

– Ох, нет, ребята, в фанты я пас! Я слишком взрослая тётенька для таких забав. Если вы не против, я просто посижу тут с вами, выпью вина.

Никто не возражал, и она устроилась на пустом диване в стороне от играющих. В ту же секунду Артём протянул ей бокал.

– А вы что, не хотите участвовать? – спросила администратора Майя.

– Когда бы я работал, Майя Михайловна, если бы развлекался вместе с гостями? – серьёзно ответил он.

Игроки, перешучиваясь, разложили на столе «рубашками» вверх картонные квадратики фантов, после чего распаковали лото. В этот момент в гостиной появился Алексей Петрович. Вид у него был растерянный и смущённый.

– Я бы... простите... если позволите, я хотел бы выпить бокал вина, – с порога проговорил он.

– Нет проблем! – откликнулся Артём. – Какое предпочитаете, сухое или полусладкое?

– И как это вы к нам вырвались, Алексей Петрович? – хохотнул Валентин.

– Софочка спит, – объяснил тот виновато. – Я подумал, успею хотя бы попробовать.

– Оставайтесь с нами, – с нежнейшей улыбкой пригласила Анжела.

– Гдэ адын бакаль, там дэсат! – подхватил Вахтанг.

– Остались бы, в самом деле, Алексей Петрович, – вздохнул Артём. – Если Софья заметит ваше отсутствие, она сама за вами придёт. А хуже вам... – он осёкся, но Алексей Петрович закончил за него:

– Вы правы, хуже мне всё равно уже не будет. В самом деле, какая разница, один бокал или десять? Софочка, в любом случае, унюхает.

К удивлению Майи, играть в лото и фанты он согласился без уговоров – должно быть, решил «пропадать, так с музыкой».

Игра началась. Майя потягивала вино, заедала его фундуком в хрустящей корочке из жженого сахара и с удовольствием наблюдала за процессом. Она потихоньку хмелела; негромкая музыка и ритмичное мерцание огней на ёлке вводили её в состояние транса.

Играть решили не до первого выигравшего, а до последнего проигравшего. Самым азартным из игроков был Вахтанг. Он бурно переживал неудачи, выплёскивая потоки непонятных слов. Анжела с детской непосредственностью радовалась удачам. Ульяна была невнимательна, ей постоянно подсказывали – то Кирилл, который сидел по левую руку от неё, то Алексей Петрович, который сидел по правую. Вино лилось рекой.

Вахтанг продул первую партию. Скорбно качая головой, он вытянул карточку с заданием и прочитал: «Спеть песню про ёлочку с кавказским акцентом».

– Как вам не стыдно, Вахтанг! – воскликнула Анжела. – Ведь вы же это подстроили! – в глазах у неё плясали весёлые чёртики.

– Нэ падстраэваль, мамай клянус! – Вахтанг в шутовском гневe ударил себя кулаком в грудь.

Остальные хором рассмеялись. Майя, у которой, кажется, вошло в привычку присматривать за Ульяной, отметила, что девчонка смеётся чересчур громко. Когда хохот стих, Вахтанг запел – и оказался обладателем такого шикарного баритона, что «песня про ёлочку с кавказским акцентом» прозвучала, как настоящее произведение искусства.

Потом проиграл Валентин. Ему досталось «съесть лимон без сахара, не морщась и всем рассказывая, как это вкусно».

– Бедный Валечка! – Анжела состроила сочувственную рожицу. – Можешь съесть только половину, – она обвела компанию лукавым взглядом. – Мы же не звери, правда?

– Нэ звэры! – откликнулся Вахтанг.

– Ну уж нет, – как-то двусмысленно усмехнувшись, сказал Валентин. – Весь съем, как написано.

Артём принёс лимон, и Валентин этот лимон, действительно, съел. Посмеиваясь и приговаривая, что никогда в жизни не пробовал ничего вкуснее и слаще. Последние кусочки он проглотил под дружные аплодисменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.